Правовое регулирование цифровых финансовых активов в Российской Федерации: основы и перспективы развития

Базулев Максим Сергеевич
аспирант, кафедра публичного права, Государственный университет аэрокосмического приборостроения, bazulev.max@gmail.com

Предмет статьи составляет правовое регулирование цифровых финансовых активов в Российской Федерации с учетом действующей модели их выпуска и обращения и перехода к обновленной системе регулирования цифровых прав. Актуальность определяется усложнением нормативного режима ЦФА, расширением сферы их использования и формированием специальной инфраструктуры финансового рынка. Цель исследования – определить содержание действующего правового режима ЦФА, выявить его основные ограничения и установить направления дальнейшего развития. Использованы формально-юридический, сравнительно-правовой и логико-аналитический методы, классификация, обобщение и синтез. Материал образуют нормы гражданского, финансового, налогового и валютного законодательства, акты, регулирующие экспериментальные правовые режимы, а также русскоязычные научные публикации 2023–2025 гг. Научная новизна состоит в систематизации развития регулирования от модели обособленного оборота ЦФА внутри контролируемых информационных систем к более дифференцированной инфраструктуре цифровых прав. Раскрыты правовая природа ЦФА, механизмы выпуска и обращения, трансграничное использование, защита участников и проблемы правоприменения. Полученные положения могут применяться при совершенствовании нормативного регулирования и оценке законодательных инициатив в сфере цифрового финансового оборота.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, цифровые права, цифровая валюта, правовое регулирование, финансовый рынок, оператор информационной системы, трансграничные расчеты, защита инвесторов, экспериментальный правовой режим, цифровой финансовый оборот.

Введение

Цифровые финансовые активы получили в российском праве самостоятельный режим через сочетание гражданско-правовой конструкции цифровых прав и специальных требований к выпуску, учету, обращению и деятельности операторов информационных систем. Последовательные изменения законодательства распространили регулирование на налогообложение соответствующих операций, отдельные формы трансграничного использования цифровых прав, долговые ЦФА и экспериментальные операции с цифровой валютой. Следующий этап связан с Федеральным законом от 4 августа 2026 г. № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах», основная часть которого вступает в силу 1 сентября 2026 г. и предусматривает более развернутую систему размещения, обращения и учета цифровых прав. На 17 августа 2026 г. сохраняется переходное состояние правового регулирования, при котором действующая модель Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ должна соотноситься с уже принятым новым законодательным режимом.

Цель исследования состоит в определении содержания и внутренней логики российского правового регулирования цифровых финансовых активов, выявлении его ограничений и установлении перспектив дальнейшего развития. Для достижения цели решаются три задачи: во-первых, уточнить правовую природу ЦФА и их место среди цифровых прав с разграничением смежных цифровых финансовых инструментов, во-вторых, систематизировать правовые механизмы выпуска, учета, обращения и использования ЦФА, включая инфраструктурные, защитные и трансграничные элементы, в-третьих, установить противоречия действующей модели и определить направления ее преобразования с учетом законодательных изменений 2024–2026 гг.

Научная новизна выражается в рассмотрении регулирования ЦФА как развивающейся системы, в которой изменение предмета правового воздействия сопровождается перестройкой инфраструктуры оборота. Если первоначальная конструкция сосредоточивала возникновение и движение прав внутри информационной системы, то современный законодательный вектор охватывает специализированные виды ЦФА, посреднические функции, учет цифровых прав и взаимодействие различных категорий участников финансового рынка. Перспективность этой модели определяется не расширением перечня цифровых объектов как таковым, а согласованностью их квалификации, порядка обращения и механизмов защиты обладателей.

Материалы и методы

Нормативную основу составили положения ст. 128 и 141.1 ГК РФ, Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ, Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 324-ФЗ, Федеральных законов от 11 марта 2024 г. № 45-ФЗ и от 8 августа 2024 г. № 223-ФЗ, Федерального закона от 15 декабря 2025 г. № 466-ФЗ, а также Федерального закона от 4 августа 2026 г. № 282-ФЗ. Научный корпус сформирован исследованиями, раскрывающими разные элементы правового режима цифровых активов: А.З. Арсланбекова и А.Х. Сотавов [1] сопоставляют российские и зарубежные подходы к выпуску и обращению ЦФА и разграничивают ЦФА, цифровую валюту и цифровой рубль, А.И. Гончаров и В.А. Садков [2] определяют сущностное содержание ЦФА через удостоверяемые ими имущественные права и способ их фиксации в информационной системе, Е.В. Зайнутдинова [3] классифицирует модели регулирования цифровых прав и цифровой валюты по степени допуска их оборота, С.А. Иванова и О.Ю. Горбачёва [4] исследуют юридическое содержание конструкции ЦФА и ее связь с имущественными правами и финансовыми инструментами, И.Ш. Исмаилов [5] рассматривает нормативные и инфраструктурные условия применения цифровых активов в трансграничных операциях, С.П. Мышакова [6] систематизирует пробелы регулирования ЦФА и цифровых валют, включая вопросы защиты инвесторов, налогообложения и международного взаимодействия, А.В. Семёнов [7] переносит проблему квалификации цифровых активов в сферу несостоятельности и формирования конкурсной

массы, Д.А. Фадеев [8] выделяет ограничения международных расчетов российскими ЦФА, связанные со статусом нерезидентов, признанием цифровых прав и замкнутостью инфраструктуры, П.П. Фирсанова [9] сопоставляет законодательные и доктринальные определения ЦФА и их соотношение с цифровыми правами и цифровой валютой, Д.С. Четвергов [10] исследует нормативные препятствия посреднической деятельности и возможность сближения инфраструктуры ЦФА с моделью рынка бездокументарных ценных бумаг.

Формально-юридический анализ применен для установления содержания норм, определяющих ЦФА и порядок реализации удостоверенных ими прав, сравнительный анализ – для сопоставления доктринальных квалификаций и моделей регулирования, классификация – для разграничения объектов и инфраструктурных механизмов, логико-аналитический анализ – для выявления связей между правовой природой актива и способом организации его оборота. Обобщение и синтез использованы при определении направлений развития регулирования на основе выявленных нормативных и доктринальных расхождений.

Результаты

Исходным элементом правового режима ЦФА выступает их включение в категорию цифровых прав. Статья 141.1 ГК РФ относит к цифровым правам названные в таком качестве законом обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются правилами соответствующей информационной системы, распоряжение такими правами также осуществляется внутри информационной системы. Федеральный закон № 259-ФЗ конкретизирует эту конструкцию применительно к ЦФА, связывая их с денежными требованиями, возможностью осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, правами участия в капитале непубличного акционерного общества и правом требовать передачи эмиссионных ценных бумаг. Права первого обладателя возникают с момента внесения записи о зачислении актива в информационную систему. Построение исключает отождествление ЦФА с любой цифровой записью, криптовалютой или техническим токеном: правовое значение приобретает предусмотренное законом субъективное право, существование и оборот которого обеспечиваются установленной информационной инфраструктурой. А.З. Арсланбекова и А.Х. Сотавов связывают сохраняющиеся проблемы квалификации именно с разграничением ЦФА, цифровой валюты и иных цифровых инструментов [1].

Правовая природа ЦФА раскрывается через соотношение содержания удостоверяемого права и цифровой формы его фиксации. А.И. Гончаров и В.А. Садков исходят из того, что сущностное содержание ЦФА образуют определенные законодательством имущественные права, а сама конструкция представляет способ фиксации и последующего оборота этих прав в информационной системе [2]. Авторы тем самым смещают центр квалификации с технологического носителя на юридическое содержание отношения.

Способ допуска цифровых объектов к обороту определяет характер государственного воздействия на соответствующий рынок. Е.В. Зайнутдинова разграничивает запретительную, частично запретительную, разрешительную и дозволительную модели регулирования цифровых прав и цифровой валюты [3]. Российский режим ЦФА по этой классификации тяготеет к разрешительной модели: выпуск и обращение допустимы, однако связываются с установленными законом информационными системами, регистрационными требованиями к инфраструктурным организациям, контролем Банка России и специальными условиями приобретения отдельных активов. Модель соединяет признание оборотоспособности цифрового права с предварительным определением субъектов, технологической среды и допустимых юридических действий. Разрешение здесь относится не к цифровому объекту вообще, а к конкретному способу его создания и обращения.

Юридическая конструкция ЦФА поэтому не сводится к обозначению нового вида финансового продукта. С.А. Иванова и О.Ю. Горбачёва рассматривают правовое содержание ЦФА через закрепленные законом имущественные права и анализируют данный инструмент с учетом развития механизмов его обращения [4]. Из этого положения следует функциональная неоднородность самой категории: единая цифровая форма способна удостоверять права различного содержания, а соответствующий режим должен учитывать юридические характеристики базового требования. Этот принцип уже получил законодательное развитие применительно к долговым ЦФА. Федеральный закон от 15 декабря 2025 г. № 466-ФЗ выделил цифровые финансовые активы, включающие исключительно денежные требования в размере цены приобретения при выпуске и предусмотренных периодических выплат, и установил дополнительные требования к решению об их выпуске. Специализация норм по содержанию удостоверяемого требования формирует более точную связь между экономической функцией инструмента и его юридическим режимом.

Расширение сферы применения цифровых прав проявилось в регулировании внешнеторговых отношений. И.Ш. Исмаилов рассматривает ЦФА, цифровую валюту и цифровой рубль как различные возможные инструменты трансграничных операций и связывает их использование с созданием нормативных, инфраструктурных и организационных условий [5]. Федеральный закон от 11 марта 2024 г. № 45-ФЗ расширил возможности использования цифровых прав во внешней торговле, передача ЦФА, утилитарных и гибридных цифровых прав в качестве встречного предоставления по внешнеторговым договорам между резидентами и нерезидентами была включена в систему финансового контроля. Юридическое разрешение трансграничной операции при этом не устраняет вопрос о признании соответствующего цифрового права за пределами российской информационной системы, что отделяет национальную допустимость сделки от ее практической трансграничной реализуемости.

Система ограничений выполняет защитную функцию, однако одновременно повышает зависимость оборота от качества институциональной инфраструктуры. С.П. Мышакова связывает дальнейшее развитие регулирования с устранением пробелов в сфере защиты инвесторов, налогообложения, противодействия неправомерным операциям и международного взаимодействия [6]. Налоговый аспект уже образует самостоятельный компонент режима: Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 324-ФЗ закрепил особенности налогообложения операций с ЦФА и цифровыми правами, включающими одновременно ЦФА и утилитарные цифровые права, соответствующие специальные нормы содержатся в Налоговом кодексе РФ. Регулирование ЦФА поэтому вышло за пределы правил выпуска и передачи актива и охватывает юридические последствия получения дохода, исполнения обязательств и совершения операций с ним.

Статус ЦФА как имущественного объекта приобретает отдельное значение при обращении взыскания и несостоятельности обладателя. А.В. Семёнов анализирует цифровые финансовые активы применительно к конкурсной массе и связывает проблему с общей квалификацией цифровых объектов как имущества [7]. Для банкротства недостаточно абстрактного признания экономической ценности актива: практическое включение ЦФА в имущественную массу требует юридически и технически обеспеченного доступа к записи, установления принадлежности права и возможности его дальнейшего распоряжения в установленной информационной системе. Инфраструктурная форма существования ЦФА вследствие этого влияет на осуществление общих гражданско-правовых механизмов, рассчитанных на имущество, оборот которого не зависит от специальной цифровой среды.

Трансграничное использование наиболее отчетливо обнаруживает расхождение между национальной легализацией цифрового инструмента и его внешней оборотоспособностью. Д.А. Фадеев выделяет неопределенность статуса нерезидентов, отсутствие механизма трансграничного признания российских ЦФА, замкнутость инфраструктуры их обращения, требования идентификации и технические барьеры подключения иностранных участников [8]. В числе предлагаемых направлений автор рассматривает международную гармонизацию, создание сопряженных платформ, развитие валютного контроля в цифровой среде и институционализацию положения нерезидента. Эти выводы дополняют позицию И.Ш. Исмаилова [5]: правовая возможность использовать цифровой инструмент во внешнеторговом договоре создает исходное основание сделки, однако трансграничная эффективность требует совместимости правил идентификации, учета, исполнения и признания прав. Сопоставление данных положений с классификацией Е.В. Зайнутдиновой [3] и выводами А.З. Арсланбековой, А.Х. Сотавова [1] показывает, что различия национальных моделей становятся самостоятельным ограничителем оборота даже при отсутствии внутреннего запрета на соответствующую операцию.

Отдельного разграничения требует использование ЦФА и цифровой валюты во внешнеэкономической деятельности. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 223-ФЗ предоставил Банку России полномочия устанавливать экспериментальные правовые режимы для операций с цифровыми валютами во внешнеторговой деятельности и для проведения организованных торгов цифровой валютой. Следовательно, законодатель использует различные способы легализации цифровых инструментов: оборот ЦФА опирается на нормативно определенные цифровые права и регулируемую информационную инфраструктуру, а специальные внешнеторговые операции с цифровой валютой получили экспериментальный механизм допуска. Смешение этих режимов искажает правовой статус ЦФА и переносит на них риски и ограничения, установленные для другого объекта.

Доктринальная неопределенность понятия ЦФА сохраняет значение даже при подробном легальном определении. П.П. Фирсанова, сопоставляя законодательные положения и научные подходы, выделяет взаимосвязь ЦФА с цифровыми правами и цифровой валютой и указывает на продолжающееся развитие самого понятия [9]. Причина расхождений состоит в совмещении в одном термине нескольких уровней характеристики: юридического содержания удостоверяемого права, цифрового способа его существования и экономической функции конкретного инструмента. Для правового регулирования эти уровни требуют последовательного разграничения. Определение объекта отвечает на вопрос о содержании права, правила информационной системы – о способе его учета и распоряжения, а специальные нормы о конкретном виде ЦФА – об условиях реализации его финансовой функции.

Инфраструктурное регулирование составляет следующий уровень системы. Д.С. Четвергов устанавливает сходство российского рынка ЦФА с традиционным рынком ценных бумаг, одновременно выявляя правовые препятствия для посреднической деятельности и обосновывая возможность развития инфраструктуры через сближение режима ЦФА и бездокументарных ценных бумаг [10]. Действующий Федеральный закон № 259-ФЗ концентрирует учет ЦФА в информационной системе их выпуска и связывает возникновение права первого обладателя с соответствующей записью. Конструкция обеспечивает определенность источника учета, однако ограничивает возможность воспроизводить на цифровом рынке функциональное разделение между выпуском, учетом, посредничеством и обращением, характерное для развитой финансовой инфраструктуры.

Принятый в 2026 г. Федеральный закон № 282-ФЗ меняет именно инфраструктурный масштаб регулирования. Закон содержит самостоятельные блоки норм о размещении цифровых прав, организации обращения цифровых валют и цифровых прав, исполнении поручений клиентов, доверительном управлении, деятельности цифрового депозитария, обмене цифровых валют, учете и осуществлении цифровых прав. Основная часть закона вступает в силу 1 сентября 2026 г., действующим операторам информационных систем предоставлен переходный период для приведения деятельности в соответствие с новым режимом до 1 сентября 2028 г., а операторы обмена ЦФА по прежней модели могут продолжать соответствующую деятельность до 1 марта 2027 г. Эти положения корреспондируют с ранее обозначенными в литературе проблемами единого правового поля [6], выбора модели допуска участников цифрового рынка [3] и нормативных препятствий посреднической деятельности [10]. Законодательная конструкция смещается от регулирования преимущественно выпуска и движения ЦФА внутри отдельной информационной системы к институциональному распределению функций между субъектами цифрового финансового оборота.

Сопоставление положений А.И. Гончарова и В.А. Садкова [2], С.А. Ивановой и О.Ю. Горбачёвой [4], П.П. Фирсановой [9] и Д.С. Четвергова [10] выявляет связь между квалификацией объекта и архитектурой рынка. Если ЦФА понимается как юридически значимая форма существования определенного имущественного права, регулирование должно обеспечивать сохранность содержания этого права при его передаче между различными элементами инфраструктуры, технологическая запись не может заменять требования к субъекту обязательства, объему удостоверенного права и способу его исполнения. Отсюда следует приоритет функциональной дифференциации: долговые, корпоративные и связанные с эмиссионными ценными бумагами цифровые права нуждаются в правилах, учитывающих характер удостоверяемого требования, тогда как единые инфраструктурные требования должны обеспечивать учет, идентификацию обладателя и прослеживаемость распоряжения.

Второй комплекс взаимосвязанных положений образуют исследования Е.В. Зайнутдиновой [3], И.Ш. Исмаилова [5], С.П. Мышаковой [6] и Д.А. Фадеева [8]. В совокупности они показывают, что устойчивость режима ЦФА зависит от согласования допуска участников, контроля операций, защиты обладателей и возможности трансграничного признания цифрового права. Усиление одного элемента без изменения остальных не устраняет структурных ограничений: разрешение трансграничного расчета не обеспечивает доступ иностранного контрагента к национальной инфраструктуре, расширение числа посредников не разрешает коллизионные вопросы, а формальное признание актива имуществом не определяет процедуру распоряжения им при банкротстве. Развитие регулирования поэтому требует согласования материально-правового статуса ЦФА с инфраструктурными, процедурными и международно-правовыми условиями его реализации.

Перспективы российского регулирования ЦФА определяются четырьмя взаимосвязанными направлениями. Первое связано с дальнейшей дифференциацией режима по содержанию удостоверяемого права, уже проявившейся в специальном регулировании долговых ЦФА. Второе предполагает институциональное развитие инфраструктуры учета, хранения и посредничества при сохранении юридической определенности момента возникновения, перехода и прекращения цифрового права. Третье касается процедур защиты обладателя при банкротстве, ограничении распоряжения, исполнении обязательства и взаимодействии нескольких инфраструктурных субъектов. Четвертое относится к трансграничной совместимости: национальное разрешение использования ЦФА должно дополняться механизмами доступа нерезидентов, признания права и сопряжения информационных систем. Переход к Федеральному закону № 282-ФЗ создает нормативную основу для части этих изменений, однако окончательная оценка их результативности зависит от подзаконного регулирования и последующей правоприменительной практики.

Обсуждение

Сопоставление доктринальных подходов показывает, что основной спор о правовой природе ЦФА связан с выбором уровня, на котором определяется самостоятельность цифрового объекта. Подход А.И. Гончарова и В.А. Садкова связывает юридическую сущность с имущественным правом, а цифровую конструкцию – со способом его фиксации. Исследования С.А. Ивановой, О.Ю. Горбачёвой и П.П. Фирсановой охватывают более широкий вопрос места ЦФА в системе цифровых финансовых инструментов. Эти позиции совместимы, если разграничить объект регулирования и форму его существования. Цифровая запись получает юридическое значение через удостоверяемое ею право, но особенности ее создания, учета и передачи образуют специальный режим, который нельзя полностью заменить общими нормами об обязательственных или корпоративных правах.

Разграничение объясняет постепенное появление специальных норм для отдельных разновидностей ЦФА. Единое определение цифрового финансового актива обеспечивает системную принадлежность объекта, однако различия между денежным требованием, корпоративным правом и правом, связанным с эмиссионной ценной бумагой, сохраняют юридическое значение после перевода соответствующего отношения в цифровую форму. Специальный режим долговых ЦФА отражает движение к регулированию, ориентированному на содержание удостоверяемого требования. Распространение этого принципа требует осторожности: чрезмерное дробление режимов увеличивает нормативную сложность, а чрезмерная унификация способна устранить юридически значимые различия между видами прав.

Классификация Е.В. Зайнутдиновой позволяет интерпретировать российскую модель как разрешительную, однако последовательность законодательных изменений делает ее сложнее статического отнесения к одной категории. Допуск ЦФА к обороту сочетается с контролем инфраструктурных организаций, ограничениями отдельных операций и специальными механизмами доступа, для цифровой валюты используются иные инструменты, включая экспериментальные правовые режимы. В результате степень регуляторной свободы определяется видом цифрового объекта и функцией

конкретной операции, дифференциация оправдана различием рисков, но требует устойчивых критериев разграничения, иначе близкие по экономическому назначению операции получают различные юридические режимы только вследствие используемой технической конструкции.

Наиболее выраженное институциональное противоречие первоначальной модели связано с сочетанием цифровой природы актива и замкнутости его учета внутри информационной системы выпуска. Централизация юридически значимой записи облегчает установление принадлежности права и контроль операции, но ограничивает формирование распределенной инфраструктуры посредников. Вывод Д.С. Четвергова о сближении режима ЦФА с механизмами рынка бездокументарных ценных бумаг приобретает дополнительное значение в связи с принятым в 2026 г. регулированием цифровых прав, предусматривающим более развернутое распределение инфраструктурных функций. Перенос отдельных институтов рынка ценных бумаг оправдан лишь в той мере, в которой совпадают выполняемые ими юридические функции, механическое распространение прежних конструкций способно устранить преимущества цифрового учета.

Трансграничное использование демонстрирует другое ограничение: национальная оборотоспособность цифрового права не равнозначна его международной оборотоспособности. И.Ш. Исмаилов рассматривает развитие соответствующих расчетов через совокупность нормативных и инфраструктурных условий, а Д.А. Фадеев конкретизирует препятствия на уровне статуса нерезидента, признания актива и подключения иностранных участников. Различие между этими уровнями имеет практическое значение. Законодатель вправе разрешить российскому резиденту использовать ЦФА как элемент встречного предоставления, но иностранный контрагент должен иметь юридическую и техническую возможность приобрести, учитывать, передавать и реализовать удостоверенное право. Отсутствие любого из этих элементов сужает сферу применения национального разрешения.

Смежная проблема возникает при разграничении ЦФА и цифровой валюты. Экономическое использование обоих инструментов в расчетных отношениях создает предпосылки для их функционального сближения, однако юридические основания различаются. ЦФА удостоверяет определенное цифровое право и включен в регулируемую инфраструктуру его выпуска и учета, операции с цифровой валютой получили отдельные нормативные механизмы. Унификация терминологии без сохранения этого различия осложнила бы определение обязанного лица, содержания требования и способа защиты участника. Перспективное регулирование должно сближать правила инфраструктуры там, где совпадают функции участников, сохраняя различия материально-правового статуса объектов.

Выводы С.П. Мышаковой о защите инвесторов и системности правового поля соотносятся с вопросами банкротства, рассмотренными А.В. Семёновым. Формальное включение цифровых прав в состав имущества решает вопрос их общей гражданско-правовой квалификации, но не исчерпывает процедур обращения взыскания и реализации актива. Для цифровой формы существенны установление контроля над учетной записью, взаимодействие финансового управляющего с инфраструктурной организацией и сохранение возможности распоряжения правом. Эта проблема иллюстрирует более общее положение: традиционный материально-правовой институт сохраняет применимость к ЦФА лишь при наличии процедуры, способной воспроизвести его действие в цифровой среде.

Переход к новому законодательному режиму ограничивает возможность окончательной оценки перспектив регулирования. Федеральный закон № 282-ФЗ на дату рассматриваемого состояния законодательства еще не вступил в основную силу, а для части действующих инфраструктурных организаций установлены переходные периоды. Поэтому вывод о движении к более институционально дифференцированной модели основан на содержании принятых норм. Исследовательской лакуной остается сопоставление нормативной конструкции с практикой деятельности цифровых депозитариев, посредников и иных субъектов после завершения переходного периода.

Развитие регулирования следует оценивать по способности правовой системы сохранять содержание цифрового права при изменении способов его учета и обращения. Количество предусмотренных законом участников или процедур само по себе не характеризует качество модели. Значение имеют определенность принадлежности права, исполнимость удостоверенного требования, защита обладателя при нарушении обязательства, возможность включения актива в общие имущественные процедуры и совместимость инфраструктуры при трансграничной операции. По этим критериям перспективная модель ЦФА представляет собой часть регулируемого финансового оборота со специальной цифровой формой учета.

Заключение

ЦФА занимают место внутри категории цифровых прав и удостоверяют предусмотренные законодательством имущественные права, осуществление и распоряжение которыми связано с информационной системой. Их юридическая квалификация должна исходить из содержания удостоверенного права, а цифровая форма определяет специальный способ возникновения, учета и передачи. Это основание разграничивает ЦФА, цифровую валюту и иные цифровые инструменты, даже если отдельные способы их экономического применения совпадают.

Правила выпуска и учета образуют его исходный уровень, требования к инфраструктурным субъектам обеспечивают организованный оборот, налоговые, валютные и контрольные нормы определяют последствия отдельных операций, специальные вопросы возникают при трансграничных расчетах и банкротстве обладателя. Эффективность каждого элемента зависит от возможности реализовать удостоверенное цифровое право в предусмотренной законом процедуре. Поэтому расширение сферы использования ЦФА требует одновременного развития механизмов учета, посредничества, защиты обладателя и доступа к цифровой инфраструктуре.

Законодательная эволюция указывает на переход от преимущественно операторской модели оборота внутри отдельных информационных систем к более дифференцированной инфраструктуре цифровых прав. Перспективными направлениями выступают специализация требований по содержанию удостоверяемого права, согласование функций инфраструктурных участников, адаптация общих имущественных процедур к цифровой форме актива и формирование механизмов трансграничного признания. Принятое в 2026 г. регулирование создает нормативную основу для институционального расширения рынка цифровых прав, однако устойчивость новой модели будет определяться согласованностью специальных правил с гражданско-правовой природой ЦФА и последующей практикой их применения.

Литература

1. Арсланбекова А. З., Сотавов А. Х. Некоторые аспекты правового регулирования цифровых финансовых активов в России и за рубежом // Юридический вестник ДГУ. 2025. Т. 55, № 3 (75). С. 70–76. DOI: 10.21779/2224-0241-2025-55-3-70-76.

2. Гончаров А. И., Садков В. А. Правовая природа цифровых финансовых активов по законодательству Российской Федерации // Legal Concept = Правовая парадигма. 2023. Т. 22, № 2. С. 82–90. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2023.2.11.

3. Зайнутдинова Е. В. Модели правового регулирования оборота цифровых прав и цифровой валюты // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16, № 4. С. 149–182. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.4.149.182.

4. Иванова С. А., Горбачёва О. Ю. Юридическое содержание конструкции «цифровые финансовые активы» // Образование и право. 2024. № 5. С. 201–205. DOI: 10.24412/2076-1503-2024-5-201-205.

5. Исмаилов И. Ш. Правовые основы и перспективы использования цифровых финансовых активов и цифровой валюты в трансграничных операциях // Финансовое право. 2024. № 10. С. 22–25. DOI: 10.18572/1813-1220-2024-10-22-25.

6. Мышакова С. П. Правовое регулирование цифровых финансовых активов и цифровых валют // Право и государственность. 2025. № 1 (6). С. 43–46. DOI: 10.70569/2949-5725.2025.6.1.007.

7. Семёнов А. В. Цифровые финансовые активы в банкротстве // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2024. Т. 9, вып. 2. С. 40–44. DOI: 10.47475/2618-8236-2024-9-2-40-44.

8. Фадеев Д. А. Правовые аспекты использования цифровых финансовых активов в международных расчетах // Прогрессивная

экономика. 2025. № 5. С. 149–164. DOI: 10.54861/27131211_2025_5_149.

9. Фирсанова П. П. Понятие цифровых финансовых активов в российском законодательстве и в правовой доктрине // Образование и право. 2024. № 4. С. 508–513. DOI: 10.24412/2076-1503-2024-4-508-513.

10. Четвергов Д. С. Правовые проблемы посреднической деятельности на рынке цифровых финансовых активов // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20, № 5. С. 124–135. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.124-135.

Legal regulation of digital financial assets in the Russian Federation: fundamentals and development prospects

Bazulev M.S.

State University of Aerospace Instrumentation

This article examines the legal regulation of digital financial assets in the Russian Federation, taking into account the current model of their issuance and circulation, and the transition to an updated system for regulating digital rights. This topic is relevant due to the increasing complexity of the regulatory regime for digital financial assets, the expansion of their scope of use, and the formation of a specialized financial market infrastructure. The objective of this study is to define the current legal regime for digital financial assets, identify its main limitations, and identify areas for further development. Formal legal, comparative legal, and logical-analytical methods, as well as classification, generalization, and synthesis, are used. The material comprises norms of civil, financial, tax, and currency legislation, acts regulating experimental legal regimes, as well as Russian-language scientific publications from 2023–2025. The scientific novelty lies in systematizing the development of regulation from a model of isolated digital financial assets (DFA) circulation within controlled information systems to a more differentiated digital rights infrastructure. The legal nature of DFA, the mechanisms for issuance and circulation, cross-border use, participant protection, and enforcement issues are discussed. The resulting provisions can be applied to improving regulatory frameworks and evaluating legislative initiatives in the field of digital financial transactions.

Keywords: digital financial assets, digital rights, digital currency, legal regulation, financial market, information system operator, cross-border settlements, investor protection, experimental legal regime, digital financial transactions.

References

1. Arslanbekova A. Z., Sotavov A. Kh. Some Aspects of Legal Regulation of Digital Financial Assets in Russia and Abroad // Legal Bulletin of DSU. 2025. Vol. 55, No. 3 (75). pp. 70–76. DOI: 10.21779/2224-0241-2025-55-3-70-76.
2. Goncharov A. I., Sadkov V. A. Legal Nature of Digital Financial Assets under the Legislation of the Russian Federation // Legal Concept = Legal Paradigm. 2023. Vol. 22, No. 2. pp. 82–90. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2023.2.11.
3. Zainutdinova E. V. Models of Legal Regulation of the Circulation of Digital Rights and Digital Currency // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2023. Vol. 16, No. 4. pp. 149–182. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.4.149.182.
4. Ivanova S. A., Gorbacheva O. Yu. Legal Content of the "Digital Financial Assets" Concept // Education and Law. 2024. No. 5. pp. 201–205. DOI: 10.24412/2076-1503-2024-5-201-205.
5. Ismailov I. Sh. Legal Foundations and Prospects for the Use of Digital Financial Assets and Digital Currency in Cross-Border Transactions // Financial Law. 2024. No. 10. Pp. 22–25. DOI: 10.18572/1813-1220-2024-10-22-25.
6. Myshakova S. P. Legal regulation of digital financial assets and digital currencies // Law and statehood. 2025. No. 1 (6). Pp. 43–46. DOI: 10.70569/2949-5725.2025.6.1.007.
7. Semenov A. V. Digital financial assets in bankruptcy // Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law. 2024. Vol. 9, issue 2. Pp. 40–44. DOI: 10.47475/2618-8236-2024-9-2-40-44.
8. Fadeev, D. A., Legal Aspects of Using Digital Financial Assets in International Settlements // Progressive Economics. 2025, No. 5, pp. 149–164. DOI: 10.54861/27131211_2025_5_149.
9. Firsanova, P. P., The Concept of Digital Financial Assets in Russian Legislation and Legal Doctrine // Education and Law. 2024, No. 4, pp. 508–513. DOI: 10.24412/2076-1503-2024-4-508-513.
10. Chetvergov, D. S., Legal Issues of Intermediary Activity in the Digital Financial Asset Market // Actual Issues of Russian Law. 2025, Vol. 20, No. 5, pp. 124–135. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.124-135.